

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ / Под. ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. 696 с.

Внушительного объема труд содержит историко-аналитическое описание нескольких десятков научно-дисциплинарных направлений российской социологии, развивавшихся на протяжении более ста лет. В.А. Ядов характеризует книгу как выполненную в жанре описания положения дисциплины (“state of the art”) и рассматривает ее в качестве учебного пособия по истории отечественной социологии и отраслевым социологическим дисциплинам.

Начало и центральная часть редакторского предисловия к книге могут дать повод для парадоксальной перефразировки знаменитого ленинского слогана: “Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти”. Избрав главным вопросом своего предисловия взаимоотношение между властью и социологией в России (с. 8), Ядов убедительно показал, что коренной вопрос по крайней мере российской социологии есть вопрос об отношениях с властью. Эти “особенности национальной социологии” проявляются почти на каждой странице. Впрочем, власти приходят и уходят, а науки остаются. В этом отношении вполне объяснимо, почему книга содержит прежде всего анализ драматического развития отечественной социологии со всеми свойственными для науки открытиями, заблуждениями, надеждами, разочарованиями, взлетами, падениями и, конечно, терпением и трудолюбием.

Каждая глава книги (всего их 30) начинается с исторического экскурса в становление конкретной научной дисциплины (история некоторых из них начинается с XIX века, совсем молодые научные направления, как правило, отсчитывают время своего существования с 60-х годов нынешнего столетия). Затем рассматривается ее современное состояние.

Особенно важна для понимания советского периода в истории российской социологии проблема преемственности. Состояние науки и общества данного периода вызывает наибольший разброс оценок и мнений. «Идея-монстр неповторимого внутреннего очарования» – так метафорически характеризует этот период автор обзорной главы о преемственности российской социологии Г. Батыгин (с. 24). Истоки “идеи-монстра” (в этой метафоре угадывается переключка и с бэконовским “знание-сила”, и с ядовским “социология/власть”) Батыгин усматривает в почти двухсотлетней российской рационализации нигилизма, восходящей чуть ли не к социальным экспериментам Екатерины II по воспитанию в духе Фенелона и Руссо “новой породы людей” в закрытых учебных заведениях (с. 25). Так советский

марксизм и социология явились закономерным продуктом и преемником давнишнего российского “подчинения человеческого сообщества теоретической схеме” (там же). В рамках советского периода рассматриваются проблемы социальных обследований и политического контроля, модернизации советской социологической доктрины в 1950-е годы, социологического ренессанса 1960-х годов, “перестройки” в социологии. Автор руководствовался принципом “писать историю социологических идей как историю людей” (с. 24), и это ему в полной мере удалось. Именно личность ученого, какие бы “идеи-монстры” и “породы людей” ее ни окружали, является во все времена истинным критерием познания (судьба ученых советского времени – характерное тому подтверждение). В отличие от образного и метафорического вступления к главе, ее заключительные выводы и прогнозы академически точны и беспристрастны: “Развитие российской социологии в последнее десятилетие XX в. проходит под знаком нарастающей диверсификации. Диверсификация выражается прежде всего в возникновении множества социологических институций, занятых сбором и анализом текущей экономической, социальной и политической информации. Академическая социология находится в более неопределенном положении. Не обладая ресурсами для самостоятельного существования, она представляет собой скорее престижное интеллектуальное занятие, чем стабильную профессиональную деятельность. Тем не менее, программа деятельности социологического сообщества России постепенно переориентируется на решение академических проблем. Постсоветская социология сохраняет преемственность с предшествующей научной традицией и продолжает выполнять важную роль в конституировании национального общественного самосознания” (с. 42).

Историко-социологическая проблематика в истории российской социологии рассмотрена З. Голенковой и Ю. Гридчиным. В центре внимания авторов – дискуссии о предмете социологии, ее границах и связях с философией, идеологией, политикой. Характеристика нынешнего положения дел и возможных перспектив сводится к следующему: “В ближайшие десятилетия процесс развития отечественной социологии будет в чем-то напоминать по основным своим линиям то, что уже происходило во второй половине XIX столетия в России: широкое знакомство с западной и отечественной социологической мыслью с акцентом на тех проблемах, которые сегодня волнуют Россию” (с. 63).

В главе “Методология и методы” О. Маслова и Ю. Толстова отмечают закономерное обострение интереса к социологической методологии исследования во время кризиса общества – катализатора изменений в самоопределении и критериях научности социологии. По их мнению, методология российской социологии находится еще в “юношеском” возрасте, ибо “социологи с большим удовольствием отвечают на вопросы о том, что и почему происходит в обществе, но вопросы о том, как получают знание, на котором базируются эти ответы, какова достоверность этого знания, чаще вызывают корпоративную тревогу, чем систематические исследования в области методологии” (с.93).

В главе “Социальная структура и стратификация” З. Голенкова и Е. Игитхьян анализируют эволюцию марксистского классового подхода к проблематике социальной стратификации в советский период. По мнению авторов, постсоветский этап изучения социального неравенства развивается прежде всего в рамках феноменологических способов исследования современного российского общества с его неустойчивой, аморфной социальной структурой и нечеткой проявленностью стратообразующих критериев: “В реальном российском социуме “варится” некая неустойчивая структура, сотканная из множества социальных “материалов” – экономических, социокультурных, политико-властных, из сетей межличностных взаимосвязей, корпоративных интересов, сельских коллективистских полуобщинных зависимостей, рациональных эгоистических интересов. Сегодняшние исследования

позволяют схватить достаточно определенно лишь то, что выступает на поверхности – глубинные основания только нащупываются. Изучение всей сложности происходящего потребует немало усилий, в том числе и методологических новаций“ (с. 123).

Глава 5 “Социология молодежи” написана В. Семеновой. Развитие этого направления социологии прослежено автором начиная от рубежа веков до исследований молодежной субкультуры 80-90-х годов и характеристики современного состояния данной дисциплины. Особое внимание уделяется рассмотрению пограничных областей социологии, а также альтернативных социологических концепций.

В главе 6 “Социология города” О. Яницкий уделяет особое внимание дискуссиям о социалистическом городе 30-х годов, исследованиям шестидесятников, открытию новых перспектив в 80-90-е годы. Автор высказывает предположение о возникновении новой волны исследований города в условиях кризисов и конфликтов нашего времени (с. 156).

Р. Рывкина (“Социология села”) описывает основные типы исследований в советский период, но основное содержание главы связано с изучением современного российского села. В свойственной автору обостренной манере выводов и заключений глава заканчивается так: “Российская деревня – это социальный мир, огромный – не только по территории и численности населения, но и по глубине проблем. Эти проблемы не только не решены, но и не ясно, когда и как они будут решаться. Деревня – это как бы “отложенный объект“ социологического изучения. Время для науки придет тогда, когда оживет деревня и заработает ее экономика. И тогда богатый научный потенциал, накопленный за всю историю социологии села в России, будет востребован“ (с. 171).

Глава о социологии пола и гендерных отношений (Т. Гурко) примечательна тем, что до 90-х годов проблематика “гендера” в российской социологии ясно не формулировалась. Поэтому вопросы институционализации гендерной социологии связываются автором с социальным контекстом, в котором это направление получает признание и организационное оформление. Выводы Т. Гурко сводятся к следующему: “Российское общество постепенно развивается от “узкого” типа культурной социализации к “широкому”, предполагающему вариативность, многообразие на всех уровнях социализации, а как следствие — и индивидуализацию жизненных стилей, в том числе и распространение разных моделей социополовых отношений... Изучение социальных аспектов пола приобретает важное значение в контексте проблем стереотипизации, затрудняющей возможности самораскрытия личности и осуществления жизненного выбора. В организационной структуре социологического сообщества, безусловно, будут развиваться гендерные исследования, в том числе за счет проектов, поддерживаемых зарубежными фондами, часто отдающими предпочтение женщинам-ученым и выделяющими в качестве приоритетной женскую проблематику“ (с. 189).

Обзор этнической социологии выполнен Л. Дробихевой. В советский период официально утверждалось равенство народов и наций, но реально продолжались процессы социальной дифференциации этносов. Отделившись от историко-культурного этнографического направления в 60-е годы, этническая социология вносит важный вклад в переосмысление этнической проблематики российского общества. Мнение автора о настоящем и возможном будущем этнической социологии сводится к следующему: “На ближайшую перспективу останется актуальным все, что касается этнической идентичности, национализма в разных его проявлениях (от экономического и культурного до политического сепаратизма), возможности сочетания его разных типов с демократией, проявления этнического

экстремизма. Важными останутся и исследование ориентации на модернизацию, изучение вариантов “догоняющей модернизации”, изучение влияния этнической принадлежности на социальную мобильность и безработицу, проблемы межэтнических отношений и конфликтов, особенно в крупных городах, в зонах притока вынужденных мигрантов, беженцев, исследования напряжений на почве разного этнического представительства в составе новых экономических элит и властных элит в республиках, возможностей осуществления “участия во власти”, формирования нового гражданского самосознания, сочетания его с этническим, соотношения этнических интересов и ценностей с ценностями гражданского общества“ (с. 209).

Социология труда и производства (А. Кравченко и В. Щербина) в занимала одно из основных мест в историческом материализме. Авторы считают, что, несмотря на исследовательский прорыв А. Гастева, П. Керженцева и других специалистов в области научной организации труда в 20-е - 30-е годы, поколению шестидесятников приходилось фактически начинать всю работу заново после насильственного прерывания научной традиции в середине XX века. Характеристики современного и возможного будущего своей науки авторы оставляют максимально открытыми: “Проблематика социологии труда все больше вливается в экономсоциологию, частично присутствует в тематике изучения сдвигов в системе ценностей, в исследованиях новых социальных слоев и фермерства, в частности. Надо ожидать возрождения социологии труда в условиях перехода к стабильному социально-экономическому развитию. Но это будет уже иная социология...” (с. 235).

Отсюда продолжить правку

В главе 11 “Социология организаций: школы, направления и тенденции развития“ В. Щербина в сжатой форме проанализировал основные этапы истории и тенденции в методологии отечественной социологии организаций. Особо отмечаются периоды бурного развития и насильственного торможения данной научной дисциплины советский период. В настоящее время ее институционализация приобретает особое значение: “...с конца 80-х сначала в МГУ, а затем и в других вузах страны начинается преподавание социологии организаций, а в 1991 г. формируется первая в стране кафедра социологии организаций на социологическом факультете МГУ. Появляются и первые учебники и первый словарь-справочник по указанной проблематике“ (с. 249).

Глава 12 “Экономическая социология: современное состояние и перспективы развития“ написана В. Радаевым. Подчеркивая, что сам термин “экономическая социология“ вошел в активный научный оборот фактически лишь в 90-е годы, автор обращается к описанию трансформации самого научного сообщества экономсоциологов: “Институционализация экономической социологии не только меняет предметную карту, но знаменует собой частичное *реструктурирование российского научного сообщества*. Некоторые группы этого сообщества оказались в “подвешенном” состоянии. Определенные отрасли были попросту свернуты (пример заводской социологии). Исследователи, занимавшиеся социологией труда и социально-классовой структурой общества, стоят перед необходимостью обновления теоретических воззрений. При этом многие социологи потянулись к экономическим вопросам вследствие общей “экономизации” жизни в период реформ... В итоге на первых порах экономическая социология становится нишей, открытой для “эвакуации” разнородных в профессиональном отношении групп, чтобы по прошествии времени утвердиться как специальная академическая дисциплина“ (с. 259).

В главе 13 “Социология образования“ (Я. Астафьев и В. Шубкин) рассматривается проблематика социологии российского образования начиная еще с

дореволюционного времени. “На распутье” – такую метафору используют авторы для определения нынешнего состояния этой области знания. Они подчеркивают проблемы, которые могут возникнуть перед обществом и наукой: “...если ориентироваться лишь на экономические показатели темпов роста национального дохода, рентабельности, конкурентоспособности и т.п., то есть рассматривать систему образования как придаток производства..., мы получим структуру, далекую от демократических традиций, ориентированную на подготовку элиты – специалистов высокой квалификации, которые затем получают доступ к рычагам власти в экономике и политике. Что же касается образования широких масс населения, то оно будет консервироваться на весьма низком уровне. В качестве придатка к диплому об образовании учащиеся осваивают и эрзац-культуру. Ее определяют как массовую культуру, но, вероятно, более точно можно было бы сказать: стандартизированная, не требующая для освоения работы ума и души“ (с. 277).

Глава 14 “Социология науки” написана В. Келле и Р.-Л. Винклер. Несмотря на то, что как самостоятельная дисциплина отечественная социология науки возникла в 1960-е годы, авторы начинают ее обозрение с 1920-х годов, ведь именно в этот период были заложены оригинальные и многообразные основания отечественного науковедения. Далее они рассматривают дискуссионный вопрос о соотношении науковедения и социологии науки, характеризуют сообщество исследователей социологических проблем науки в 70-е-80-е годы, анализируют российскую социологию науки в период реформ. Заключительный вывод таков: “Особенностью социологии науки в России было то, что она существовала преимущественно в рамках науковедческого комплекса и социологическое сообщество не обращало на нее должного внимания. На социологических факультетах университетов отсутствует специализация по социологии науки. Поэтому ее научный потенциал в стране никак не соответствовал масштабам российской науки. Сейчас российское общество стало более открытым, и у социологов появились широкие возможности и для исследования происходящих в отечественной науке процессов, и для контактов с зарубежными коллегами.

Все это вселяет надежду на более успешное развитие этой области социологического знания“ (с. 299).

Четвертый раздел “Духовная жизнь, культура, личность” содержит пять глав. От социальных структур акцент здесь смещается на субъектные аспекты социальных процессов.

Глава 15 «Социология религии» (автор В. Гараджа) посвящена осмыслению социальных процессов взаимоотношения религии, общества и государства в России. Рассмотрев воистину тернистый путь религии и ее социологии в России, автор делает тревожный вывод о текущем положении дел: “Будучи существенным фактором общественной и духовной жизни сегодняшней России, религия не является, однако, предметом сколь-нибудь серьезного, глубокого и разностороннего изучения. В вопросах, касающихся религии, сегодня в общественном сознании доминируют идеологические спекуляции“ (с. 320).

Автор главы 16 “Исследования культуры в парадигме культурной коммуникации” Л. Коган подчеркивает, что сам предмет социологического анализа культуры труден для определения, он “либо дробится во множестве предметных субдисциплин, либо, напротив, определяется в качестве целостной теории социокультурного анализа общества“ (с. 324) При этом сам автор в данной главе представляет социологию культуры как исследования культурной коммуникации. Рассматривая историю социологии культуры в России от 40-х-80-х годов XIX века до конца 80-х-90-х годов, Л. Коган последовательно прослеживает развитие культурно-

коммуникативной парадигмы. Определяя дальнейшие социологические перспективы, автор особо подчеркивает значение институциональных, а также деятельностных изменений в этой области: “В недавние годы впервые в России в таких городах как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск при государственных учебных заведениях начата подготовка профессиональных социологов культуры. Будем надеяться, что эти люди смогут работать по специальности и коренным образом изменить положение, сложившееся в этой отрасли социологии» (с. 333).

Глава 17 “Социология культуры: Теоретический аспект“, написанная А. Согомоновым, тематически во многом является продолжением предыдущей главы. Но здесь акцент сделан на понятиях “культурология“ и “теория“, кроме того, взята достаточно поздняя исходная точка анализа – 60-е годы XX века. В центре главы – истолкование культурно-исторических кодов: русский характер и советский простой человек. Рассмотрение возможного *заэтра* российской социологии культуры автор завершает следующим заключением: “Одна из главных сложностей на пути становления отечественной социологии культуры, да и социологической теории в целом, заключается в драматическом лингвистическом напластовании в языке науки. Язык западной теории признается не всегда и не вполне адекватным для анализа и описания российских социокультурных реалий, а собственно русский язык признается, в свою очередь, чересчур метафорическим и аллегорическим, что не отвечает запросам академической науки.

В любом случае, как бы ни развивалась далее российская социология культуры, ее научно-скептическая (а подчас и ироническая) позиция в отношении всех остальных отраслей социального знания будет провоцировать те же парадигмальные изменения в отечественной социологии, которые происходят сейчас в мировой социологической мысли. Социология культуры способна выступить в роли стимулятора в процессе формирования национальной российской социологической школы“ (с. 345).

Глава 18 “Личность в российской социологии и психологии“ (В. Ольшанский), представляет собой хронику целой серии альтернативных социологических и психологических подходов в изучении личности в России: проблематика личности в дореволюционный период; марксистско-ленинская альтернатива, социально-философская позиция немарксистов, естественнонаучные подходы, психоаналитическое направление, практика воспитания нового человека, культурно-историческое направление, деятельностный подход, теория отношений личности В.Н.Мясищева, ролевая концепция личности. Завершается глава рассмотрением проблемы “человек в кризисном обществе“. В заключение автор отмечает: “Область социологии личности, как мы видели, перекрещивается с проблематикой психологии и социальной психологии. Вряд ли возможно и нужно искать их чистое размежевание. Больше того, мы полагаем, что в будущем тенденция междисциплинарных исследований проблем личности (включая этнологию, культурологию) будет доминировать.

Преобразования и изменения социально-типических черт – длительный и болезненный процесс, исследования которого, как и сам процесс, только обозначаются“ (с. 363).

В главе 19 “Социальная психология“, написанной Г. Андреевой, дается последовательное описание эволюции социальной психологии с начала XX века. Дискуссии 20-х заканчиваются “перерывом“ в развитии дисциплины, чтобы вновь, уже на другой основе, возобновиться в 50-е-60-е годы. Характеризуя современное состояние социальной психологии, Г. Андреева особо выделяет следующие области исследования: психологическая теория коллектива, изучение общения, практическая социальная психология. По мнению автора, особое значение при исследовании массового сознания в условиях нестабильности имеет изучение глобальной ломки

социальных стереотипов, изменение системы ценностей, кризис идентичности. Г. Андреева призывает к новому осмыслению социальной реальности с точки зрения социальной психологии: “Мало просто обновить проблематику (например, исключить тему “психологические проблемы социалистического соревнования”); недостаточно также просто зафиксировать изменения в психологии больших и малых социальных групп и личностей (в той, например, области, как они строят образ социального мира в условиях его нестабильности), хотя и это надо сделать... необходимо поиск принципиально новых подходов к анализу социально-психологических явлений в изменяющемся мире, новой *стратегии* социально-психологического исследования” (с. 388).

Раздел пятый “Исследование населения: демографические процессы, семья, быт, досуг и условия жизни” состоит из шести глав.

О. Захарова, написавшая 20-ю главу “Исследование демографических процессов и детерминации рождаемости”, анализирует историю дискуссий по проблемам воспроизводства населения, демографические модели, балансирующие между социокультурными и натуралистическими подходами к пониманию развития общества. Вывод автора о нынешнем состоянии этого направления сурово однозначен: “Ясно, что главной причиной отсутствия фундаментальных социолого-демографических исследований является убогий уровень финансирования науки. Наряду с этим происходит отток из научных учреждений квалифицированных кадров при почти полном отсутствии притока молодежи. Фактически свернуто и преподавание демографии. Длительное сохранение нынешнего положения неизбежно приведет к застою в исследованиях, то есть к повторению ситуации 40-50-х гг., а на восстановление утрачиваемого потенциала потребуются значительный период времени” (с. 411).

Критически настроен по отношению к состоянию своего научного направления в России и А. Клецин. В главе 21 “Социология семьи” он приходит к следующим выводам: “Для исторической судьбы социологии семьи в России характерна удивительно последовательная тенденция сужения методологической базы. Многообразие социально-философских построений до Октября 1917 г. могло породить различные варианты собственно социологических исследований семьи, но в стране восторжествовала философия марксизма-ленинизма. Развернутые в 20-х — середине 30-х гг. дискуссии о нескольких вариантах трактовки темы семьи в рамках пусть даже одной социально-философской концепции были свернуты к концу 30-х гг. и свелись к достаточно голым абстракциям исторического материализма. Возобновившиеся в середине 60-х гг. попытки поливариантного построения “промежуточной” социологической теории семьи закончились утверждением (в качестве методологии такого “промежуточного” уровня) концепции, связанной с именем А.Г. Харчева, оставшейся единственной общепризнанной до 90-х гг. Современное состояние методологического разрежения может произвести впечатление полного исчезновения теоретических основ у отечественной социологии семьи.” Все же автор оговаривается: “Тем не менее накопленный запас эмпирических фактов и обобщений, зачатки нетрадиционных концептуальных построений в области социологии семьи позволяют с умеренным оптимизмом смотреть в будущее” (с. 428).

Глава 22 “Исследование миграции населения России”, написанная Л. Рыбаковским, представляет панорамную картину изучения миграционных процессов на одной шестой части земного шара в течение целого века. Автор, как и предшествующие коллеги, в целом пессимистически оценивает современное состояние своего научного направления: “Исследованиям современных миграционных проблем присущ ряд особенностей. Финансовые трудности, перед

лицом которых стоят сегодня почти все государственные бюджетные учреждения в России, вынуждают научные коллективы вести множество коммерческих, как правило, весьма неглубоких исследовательских проектов. В большинстве государственных научных центров из-за низкой заработной платы распадаются десятилетиями существовавшие научные коллективы. Нет и пополнения их за счет притока молодежи. По сути, как и в других областях социальных исследований, происходит разрушение преемственности исследований, аналогичное ситуации конца 30-х гг. Рано или поздно исследователи столкнутся с той же проблемой, перед которой стояли те, кто пришел в социальные отрасли науки в конце 50-х гг.” (с. 448).

Автором главы 23 “Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей” является В. Патрушев. Глава начинается с емкой характеристики различий методологических подходов к изучению бюджетов времени в мировой социологии. Далее анализируются этапы и методики исследований бюджетов времени в России. Общий вывод В. Патрушева носит комплексный – методический и прогностический – характер: “Можно предположить появление исследований бюджетов времени в сочетании с другими методиками на базе иных теоретико-методологических предпосылок, феноменологических, например, но особенно в концептуальных рамках деятельностного подхода. Последний акцентирует внимание на активности субъекта в создании форм организации своего бытия. Такой взгляд как нельзя лучше отвечает периоду реформации общества, в котором прежние формы жизнедеятельности надломлены, а новые еще не устоялись. Именно деятельная активность людей и социальных групп будет определять эти новые формы, а исследования бюджетов времени – отличный индикатор всевозможных изменений в повседневной жизнедеятельности людей.

Этому направлению еще предстоит богатое научной и практически ценной информацией будущее“ (с. 465).

Глава 24 “Социология быта, здоровья и образа жизни населения” (Л. Гордон, А. Возьмитель, И. Журавлева, Э. Клопов, Н. Римашевская, В. Ядов) повествует о том, как в советский период были получены важные свидетельства социальной неоднородности советского населения – различные модели ведения семейного хозяйства и стилей жизни. Особый интерес представляет анализ здоровья населения, завершающийся следующим показательным выводом: “Отношение людей к своему здоровью – подлинно социально-культурный феномен. Российская история с ее небрежением к жизни отдельного индивида не могла продуцировать ничего лучшего, как небрежение к индивидуальности и отсюда – небрежение к поддержанию своего здоровья. Западная модель доминирования индивидуальности, напротив, стимулировала развитие ценностей здоровья и соответствующих исследований.

Отечественная социология здоровья имеет будущее в той мере, в какой само общество будет продвигаться в сторону уважения к правам человека и достоинству его индивидуальной жизни” (с. 488).

В главе 25 “Экологическая социология” О. Яницкий убедительно показывает, что это направление в основном еще находится на стадии становления, что не удивительно, если первые подходы к экосоциологии в СССР имели место лишь в начале 60-х годов. О. Яницкий рассматривает концептуальные основы российской экосоциологии, особенности проявления экологической озабоченности, направления экологического движения, социальные изменения и экологическую политику. Свой вывод автор соотносит с глобальными, общемировыми тенденциями: “Взлеты и падения экосоциологии в США и Западной Европе тесно связаны с уровнем общественного интереса к инвайронментальным проблемам...

К сожалению, Россия еще очень долго не достигнет уровня экологической озабоченности, необходимого для обретения экосоциологией статуса фундаментальной социологической дисциплины. Утрата российской социологией

интереса к теории социальных изменений, фрагментация и коммерциализация дисциплины, ее растущий сервиллизм — все это серьезные препятствия для концептуального осмысления взаимодействия природы и общества в терминах социологии” (с. 512).

Шестой, последний, раздел книги “Социально-политические процессы, общественное мнение, социальный контроль” состоит из пяти глав. В основном этот раздел посвящен социологии политики и связанным с ней различным аспектам общественно-политической жизни общества.

Глава 26 “Социология политики: становление и современное состояние” написана В. Амелиным и А. Дегтяревым. Авторы, усматривая истоки социологии политики еще в средневековой Руси, особое внимание уделяют социально-политическим идеям XIX века. Анализ социальных механизмов власти они считают главным системообразующим процессом отечественной социологии политики, а исследование политического сознания является, по их мнению, наиболее распространенным типом современного социологического исследования. Ситуацию, складывающуюся в настоящее время, авторы характеризуют как довольно противоречивую: “С одной стороны, многочисленными исследовательскими центрами проводится большое количество исследований по самым разным направлениям. Реализуются совместные научно-исследовательские проекты с зарубежными, в основном американскими, учеными. Начали появляться публикации российских политических социологов в ведущих научных журналах Запада. А с другой — теоретических результатов пока еще мало. Весьма слаб интерес к методологическим проблемам социологии политики, серьезную озабоченность вызывает низкий концептуальный уровень эмпирических исследований” (с. 538).

Глава 27 “Социология общественных движений — становление нового исследовательского направления” (Е. Здравомыслова) содержит обзор методологических оснований этого научного направления и особо подробно представляет изучение политической мобилизации и ее “узлов” в движениях разного характера. Заключение автора сводится к следующему: “Исследованию общественных движений еще далеко до статуса самостоятельного направления отечественной социологической науки. Однако и в начальный период это исследовательское направление является междисциплинарным. В обсуждение общественных движений включаются разные социологические дисциплины (социология конфликта, экологическая социология, политическая социология, теория социальной стратификации) и разные социальные науки (история, психология, культурология).

Тем не менее можно предполагать, что устойчивый интерес хотя бы небольшой группы исследователей и устойчивое существование самих движений будут способствовать постепенному развитию этого направления российской социологии” (с. 562).

Глава 28 “Изучение общественного мнения” написана В. Мансуровым и Е. Петренко. Несмотря на то, что авторы начинают свое изложение с земских исследований конца девятнадцатого века, зарождение научной дисциплины в собственном смысле этого слова они датируют 1960-1980-ми годами. Как особый этап в изучении общественного мнения они выделяют “подъем на волне гласности и перестройки (конец 80-х — середина 90-х годов)” Вероятное будущее развитие своей дисциплины авторы характеризуют следующим образом: “Следует ожидать противоборства уже наметившихся тенденций: с одной стороны — интенсивное накапливание профессиональных знаний и опыта, но с другой — стремление расширять “пакеты заказов” на проведение опросов из коммерческих соображений. В позитивном разрешении этого противоречия должную роль будут играть

методологические эксперименты академической социологии.

Другое возможное направление развития – следование тем процессам, которые обозначились в развитых демократиях Запада. Это – создание российской ассоциации “полстеров”, то есть служб изучения общественного мнения со своим профессиональным “кодексом чести” и самоконтролем в рамках сообщества” (с. 582).

В главе 29 “Социология девиантного поведения и социального контроля” Я. Гишинский начиная с дооктябрьского периода последовательно характеризует эволюцию изучения: самоубийств, пьянства и алкоголизма, наркотизма, проституции, гомосексуализма, преступности, связанного с ними соответствующего социального контроля. Принципиально важен вывод автора о том, что в настоящее время хотя бы в девиантном поведении Россия достигла некоего уникального идеала: “Современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантных факторов (состояние анемии, резкая социальная дифференциация и поляризация, глубокий экономический кризис, социальная дезорганизация, “смена вех” в идеологии и т.п.) В этих тяжелых для страны условиях исследование различных форм девиантного поведения приобретает особенную теоретическую и прикладную значимость” (с. 605). Автор намечает целую серию возможных исследовательских направлений: “Создание в регионах и России в целом системы мониторинга девиантного поведения; сравнительные, компаративистские исследования с зарубежными партнерами по актуальным проблемам социальных девиаций (насилие, наркотизация населения, его виктимность, подростково-молодежная делинквентность и др.); анализ девиантного поведения как протестной реакции в условиях социального конфликта; изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения; исследование позитивного девиантного поведения как возможной альтернативы негативным его проявлениям (проблема канализирования социального недовольства и протеста)” (с. 606).

В 30-й, заключительной, главе “Социальное прогнозирование” И. Бестужев-Лада рассматривает предпосылки социопрогностических исследований в России, институционализацию социального прогнозирования 1960-х годов, социальное прогнозирование в условиях “динамического хаоса” социальной системы. Автор не делает каких-либо оригинальных прогнозов и откровений, касающихся общих перспектив социальных изменений в стране, скорее наоборот, в своих оценках он предельно осторожен: “Россия находится в очень трудном положении: степень общей деморализации населения крайне высока. К этому надо добавить распад имперских экономических и политических структур, противоборство политико-экономических элит при несомненной реанимации прежней номенклатуры, возникновение ее “второго эшелона”, мафизацию предпринимательства, неослабевающую социальную напряженность и т.д. А на этой почве – всплеск авторитарного синдрома в массовом сознании и в реальной политической жизни. Все это указывает на ненадежность каких-либо экстраполяций и, в силу неустойчивости социальной системы, на возможность “неожиданных” поворотов в близком будущем.

Социальной прогностике предстоит нелегкое будущее в силу указанных методологических и объективно существующих проблем, что дополняется (и усиливается) остротой политической борьбы в государственных структурах, принимающих решения. Не секрет, что они используют любой прогноз именно в сиюминутных политических целях” (с. 618).

Рецензируемая книга знакомит читателя с трудной и удивительной судьбой российской социологии. Ее развитие постоянно сопровождалось “провалами” и “пиками”, источники которых, как правило, находились вне ее самой. В настоящее время, повторяя слова авторов книги, российская социология в очередной раз “на распутье”. И “распутье” это тягостно своей неопределенностью и неуютностью.

Прежде чем перейти к содержательным выводам, отметим некоторые недостатки, в большей степени технические и вполне естественные для такого сложного рода издания.

Во-первых, затрудненным для восприятия является калейдоскоп авторских стилей письма почти каждой из глав. Речь идет не о разнице в научно-теоретических позициях (например, оценка советского периода развития науки), не о колебаниях между тучным пессимизмом и астеническим оптимизмом, проявляющихся в финальных прогнозах большинства глав. Под калейдоскопом стилей мы имеем в виду практически несогласованный по композиции, способам описания и изложения анализ развития российской социологии в целом. В результате мы имеем перед собой не столько объединенное общим замыслом систематическое учебное пособие (а именно в качестве учебного пособия эта книга рекомендована для студентов и преподавателей), сколько грандиозный сборник статей, в которых сполна проявляются личные особенности их авторов. Что ж, дух времени – дух индивидуализма “веет где хочет”, и эта книжка его чутко уловила и отразила.

С точки зрения полноты и оснащенности справочного аппарата замечания прежде всего вызывает глоссарий. Он явно мал и очень произвольно составлен. Некоторые его статьи неточно передают соответствующие понятия. Например, “социальная работа” определяется как “возникшая в России (! – *А.Н.*) в начале 90-х годов (какого века!? – *А.Н.*) прикладная междисциплинарная... область знаний и практических действий...” (с. 628). Конечно, Россия всегда была “родиной слонов”, но все же социальная работа – явление интернациональное, окончательно конституировавшееся примерно в конце 1940-х годов. Целую серию иронических комментариев к глоссарию можно развить и дальше...

В заключение обратимся к общим выводам, касающимся содержания прочитанной книги. Несмотря на разноречивые мнения и стили, есть две мощные концептуальные закономерности, которые удается обнаружить в изложении почти всех авторских глав. Это общая характеристика российской социологии, во-первых, в координатах “диверсификация/междисциплинарность”, а во-вторых, в координатах “провал/подъем”. В чередованиях пиков “провалов” и “подъемов” проявляется определенная цикличность. Большинство авторов даже начинают изложение становления рассматриваемой дисциплины с соответствующей фазы подъема. При ретроспективном продвижении в глубь истории отечественной социологии выделяются: подъем 1960-х годов (время, которое часто в книге именуют не иначе как социологический ренессанс, когда произошло становление целого ряда новейших социологических дисциплин); прорыв 1920-х годов (пионерские концепции в области социологии науки (науковедения), новые методические разработки эмпирических исследований ЦСУ СССР); конституирование социологии как науки в 1880-е годы (постулирование народнических, либеральных, марксистских, консервативных социальных концепций, начало первых земских эмпирических исследований). Между десятилетиями пиков проходят тридцатилетние периоды более плавного развития науки (иногда умеренно благоприятные (1890-е - 1910-е; 1970-е - 1990-е); порой неблагоприятные 1930-е - 1950-е). Периоды плавного тридцатилетнего развития основаны, как правило, на плодотворной реализации идей и концепций, возникших на десятилетних пиках развития науки (границы “десятилетий” и “тридцатилетий”, естественно, размыты и колеблются между 8-14 и 26-32 годами соответственно). Эти загадочные циклы тесно связаны с генерацией и также циклическим развитием поколений научных и властных элит в России. Власть в периоды пиков не столько либеральна, сколько уверена в себе: в 1880-е царские опричники основательно “подмораживают” Россию, предавая казни народолюбцев; в 1920-е чекисты Дзержинского “недрожавшей рукой” сплавляют пароходы с интеллектуалами – один

на Запад, остальные на Север; 1960-е – это не только ренессанс науки, но и ренессанс КГБ). Находясь «в отличной форме», власть в такие времена почти с сочувственным любопытством относится ко всякого рода теоретическим и эмпирическим изысканиям ученых. Здесь нет места для дальнейшего анализа данной закономерности – это тема для специального и фундаментального историко-социологического исследования, но информацию к размышлению над этой проблемой книга «Социология в России» содержит в значительном объеме. Если такая цикличность будет существовать и далее, отечественная социология в первой декаде третьего тысячелетия весьма вероятно вступит в фазу нового подъема. И тогда вновь с особой силой встанет вопрос, сформулированный ответственным редактором книги, – о соотношении власти и социологии в России.